

Биография выдающегося писателя М. А. Шолохова тесно связана с землей волгоградской. В годы Великой Отечественной войны семья писателя некоторое время жила в Камышине. Сюда военный корреспондент газет «Правда» и «Красная звезда» приезжал с фронта. Здесь написал первый военный рассказ «Наука ненависти», начал работу над романом «Они сражались за Родину». Камышинский журналист В. МАМОНТОВ рассказывает об этом.

ШОЛОХОВ В КАМЫШИНЕ

ПИСЬМА МЕНЯЮТ АДРЕС

С НИКОЛАЕМ Григорьевичем Ведяпиным — старейшим коммунистом Камышина я знаком давно. Журналистские заботы не раз приводили меня к нему на квартиру. Как-то в одну из встреч разговор зашел о Михаиле Александровиче Шолохове: я знал, в годы войны Ведяпину не раз доводилось встречаться с писателем.

...Николай Григорьевич молча достает из книжного шкафа толстую, увеличенного формата книгу и бережно кладет на стол. На обложке — «Михаил Шолохов. «Тихий Дон». А на титульном листе надпись: «Дорогому Н. Г. Ведяпину с большим дружеским чувством. М. Шолохов. 11. VII. 42 г.».

— Впервые я увидел Михаила Александровича осенью сорок первого года, — говорит Ведяпин. — Работал я тогда первым секретарем Камышинского райкома партии. Ранним октябрьским утром ко мне в кабинет вошел невысокого роста военный с четырьмя шпалами в петлицах, в длинной кавалерийской шинели. Представился: «Полковой комиссар Шолохов».

В первую очередь конечно же разговор пошел о положении на фронте. Врагу удалось оккупировать большую территорию нашей страны. Его полчища рвались к Москве. Михаил Александрович в раздумье сказал:

— Лезут гады, как саранча. Но ничего, остановим.

Из дальнейшего разговора выяснилось: Шолохов перевез семью из станицы Вешенской на Волгу, в Николаевку, и теперь обеспокоен судьбой своей богатейшей почты.

Автору «Тихого Дона» и «Поднятой целины» писали из разных концов страны. Письма шли и из-за рубежа.

Договорились: вся его корреспонденция будет пересылаться из Вешенской и Николаевки в Камышин «под попечительство» первого секретаря райкома партии.

С тех пор, возвращаясь из поездки на фронт, Шолохов часто заезжал в Камышин.

НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

«НАУКА ненависти»... У этого шолоховского рассказа особая, исключительная судьба.

Теперь о стойкости характера его героя лейтенанта Герасимова, о непревзойденной силе писательского слова написано немало статей и исследований. Но об истоках рождения «Науки ненависти» в те трудные дни сорок второго года известно пока немногим.

Николай Григорьевич Ведяпин, на квартире у которого писатель создавал «Науку ненависти», вспоминает...

На исходе весны сорок второго печатать много писала об успехах наших частей на харьковском направлении. Казалось, что наступление врага остановлено, фронт стабилизируется. Это обстоятельство и побудило семью Шолохова в конце мая возвратиться на Дон, в Вешенскую. Однако в родном доме писатель пробыл недолго. Он выезжает на Южный фронт, в действующую армию.

А в начале июня Михаил Александрович неожиданно приезжает в Камышин.

— Заехал вот друзей проведать, да и дела требуют, — сказал он.

Был писатель в гимнастерке, запятанных сапогах. Худой, уставший — видно, давала о себе знать недавняя тяжелая контузия.

За чаем Шолохов рассказывал о положении на фронтах. Во время разговора пришла девушка-почтальон, подала Шолохову пачку солдатских треугольников. Михаил Александрович развернул один, пробежал по строчкам пристальным, заинтересованным взглядом.

— Как хочется ответить каждому фронтовику, — вслух подумал писатель. — А времени нет.

Но взволнованные строчки солдат-героев боев захватили, полонили писателя. Весь остаток дня он разбирал почту, отвечал на письма.

После ужина спать Ведяпины легли пораньше: хотелось дать возможность гостю отдохнуть с дороги. Михаил Александрович вроде сразу заснул. Но ночью, когда Николай Григорьевич проснулся, в «шолоховской» комнате горел свет. Писатель был за столом, работал.

Ведяпин прошел на кухню, поставил самовар: он знал, что Шолохов любит работать, чаевничая. Николай Григорьевич

старался делать все тихо, осторожно, чтобы не греметь. Но Михаил Александрович услышал, поднялся из-за стола.

— Чай — это хорошо, — одобрил он. И, словно извиняясь за ночное бдение, признался:

— Не дает мне Герасимов сны досматривать.

— Кто-кто? — не понял Ведяпин.

Ответил Шолохов не сразу.

— Ехал я недавно на Южный фронт. У шлагбаума железнодорожного переезда остановились. Вышли из машины. Стоим, ждем поезда. А тут из перелеска стадо коров высыпало. Подходит к нам красноармеец в гимнастерке без ремня, заросший щетиной... «Нет ли, — спрашивает, — чего покурить?» Угостил его. Закурили. «Виджу, — говорит, — на фронт пробираться, а я вот по тылам слоняюсь. При коровах вроде как начальником состою. А я ведь, товарищ полковой комиссар, командир. Справедливо это?» Говорит, а в глазах тоска.

Оказалось, солдат этот чуть ли не с первых дней на фронте. В одном из боев на Полтавщине был ранен, угодил в плен. Прошел у фашистов все круги ада. Бежал из концлагеря. Перешел линию фронта, попал к своим. Попросился снова на передовую, а ему — отказ. «Как можно лишать солдата права защищать свою Родину?» — сказал Шолохов.

...Работал в то время Михаил Александрович напряженно, торопился. Через несколько дней он уехал в Москву, на чрезвычайную сессию Верховного Совета СССР. А вскоре, двадцать второго июня, в первую годовщину войны, «Правда» напечатала «Науку ненависти» Михаила Шолохова. Это был рассказ о лейтенанте Герасимове, который не давал писателю «досматривать сны».

Шолохов своей мудростью снял с героя рассказа кем-то выдуманные подозрения, вернул ему право на солдатский долг защищать Родину.

— В. Шолохов